

Принцип запредельности

ОКОНЧАНИЕ. НАЧАЛО НА СТР. 1

– Если принять концепцию (которая, в общем-то, традиционна) о том, что существует некий божий замысел о человеке и этот замысел связан с человеком как с великим духовным явлением, которое соединяет Землю и Небо, то погружение в грубый животный материализм и духовная деградация не могут продолжаться долго. Потому что это противоречит самому замыслу о человеке. И тогда что-то случается, как было с Атлантидой, согласно преданию. Там не было материализма, но был вариант какого-то тупика. И все эти бури и цунами, все, происходящее на Земле, требует возвращения человека к своему духовному началу. Иначе само существование человека перестает иметь смысл – с точки зрения высших сил. А с точки зрения человека – это уже его дело. Но я думаю, что материалистическое направление потерпит крах. Еще и потому, что современное сознание человека абсолютно не может справиться с таким понятием, как смерть, не может понять его и иметь с ним дело.

– Это как раз всех живущих объединяет: мы не можем смириться со смертью, поверить в свою конечность.

– Но это касается как раз психологии современного человечества. Даже если взять XIX век, когда сохранялись еще остатки традиционной цивилизации, мы увидим, что люди умирали тогда спокойно, с улыбкой. Не то чтобы они были согласны со своей конечностью, но они верили в бесконечность, верили в то, что смерть – это переход к другому состоянию. Теперь не так, хотя именно сейчас – пусть косвенно, из анализа данных клинической смерти, – доказано научно, что это именно переход к чему-то иному. Но это не оказало почти никакого влияния на массовое сознание.

– Ну почему в массовом сознании сама тема смерти причудливо порой всплывает: в увлечении разными техниками омоложения, стволовыми клетками, клонированием и Григорием Грабовым или интересом к идеям Федорова о воскрешении мертвых? Все это периодически становится популярным именно на массовом уровне.

– Да, современный человек не может примириться с тем, что он умрет. И это внутреннее сознание смертности, конечности. Встречаются даже люди, которые верят в Бога, но не верят в бессмертие души. Что есть полный тупик, нелепость и абсурд. И это состояние накладывает отпечаток, неизлечимая смертельная болезнь висит в сознании людей, но о смерти не говорят. Эта тема – табу именно в массовом сознании, и прежде всего на Западе. Только философия разрешается говорить о смерти, и немножко – искусству, литературе. А преодолеть этот камень, который лежит на душе полугаишеского человечества, пытаются путем, о котором вы говорите, в том числе и научным интересом к пересадкам клеток и органов, клонированию и т.д. И это все абсолютная чушь.

– Вы, кстати, тоже обращались к этой теме: в романе «Мир и хохот» речь шла в том числе о пересадке человеческой головы от одного другому.

– И это был гротеск, потому что никакого отношения к бессмертию это не имеет. Так же как и клонирование. Если пересадить мозг в новое тело, получится другая личность, не вы. Не мозг ведь определяет человека, а душа, сознание, для которого мозг – просто инструмент, средство, чтобы проявиться в этом мире. Поэтому я думаю, что тот отчаянный материалистический профос, основанный на вере в прогресс, которым объята цивилизация, ни к чему, кроме краха, не приведет. Вообще любая цивилизация – это временное явление. И циклическое, которое всегда связано с неким концом. Но когда идет один цикл, его

нельзя остановить посредине. Прогресс движется, и не скоро еще станет очевидна его никчемность, хотя на Западе чувствуется в последнее время разочарование в идее прогресса.

– А в России?

– Что касается России, то у нас есть большие надежды. Но в России нужно создать для начала материальную основу благополучия на демократической основе, чтобы народ жил нормально (поскольку демократия, в конце концов, означает власть народа, а не кучки людей). Нормальна нормальная жизнь для всех, а потом уже, и одновременно, у нас есть шансы сохранить и духовную составляющую жизни.

Во-первых, это опирается на православие, которое сохранило могучее духовное сокровище, не подверженное профанации, и оно просто у нас есть. Другое дело, что на своем высшем уровне православие не так уж доступно. Но его лучи вторгаются в самые глубины масс. А во-вторых, я считаю, что российская традиция, связанная с русской литературой, и с самим бытием русского человека, оживляет и возвышает душу. И в литературе у нас сейчас возникают и существуют самые разные течения. Даже традиционный реализм имеет в России большую почву. Потому что довольно любопытная жизнь у нас! Все говорят, что на Западе

даже самым писателем, то есть идут дальше его разума. В исламской традиции одного знаменитого поэта казнили за то, что он в стихах зашел слишком далеко в своих прозрениях. Но потом появилось общее утверждение шейхов, что поэтам и писателям такие вещи должны прощаться. Потому что они выходят иногда в такие сферы, которые не подвластны человеческому разуму, в том числе их собственному. А значит, не может быть и суда за их откровения. Этот вердикт, если так можно выразиться, и породил великую персидскую поэзию. И в моих романах есть этот момент. А вот «Другой» – это совершенно другой роман. Там есть, конечно, некая «мамлеевская» линия, и с нее, собственно, начинается роман, но там силен элемент быта и даже социальности.

– То есть это книга о современности?

– Конечно, но это не только метафизический роман, как предвещают, хотя тот тоже о современной России. Он более социальный, бытовой, в нем описаны ситуации, которые мы видим перед собой первым взглядом, так сказать. Одновременно вторым планом идет глубинный слой, связанный со всеми перипетиями сюжета. Роман не просто современный, он вырос из сегодняшнего дня, там выведен совершенно современный

на примитивных и профанических моментах и может поэтому влиять на людей крайне негативно.

– Массовая культура сегодня обращается между тем как раз к темам мистическим, духовным и божественным, используя уже имеющиеся в культуре образы. Это видно и по «Коду да Винчи» Дэна Брауна, и в «Дозорах» Сергея Лукьяненко, и в сериале по «Мастеру и Маргарите» Булгакова.

– А ведь все проблемы, которые великий роман «Мастер и Маргарита» поднимает, они и в сериале явлены. Большую часть, кстати, мы с женой смотрели. Конечно, фильм, созданный по такому произведению, многое снижает, но что-то и остается. Но была и блестящая игра артистов во многих случаях, текст Булгакова даже в сериале действовал сам по себе. И потом, литературное произведение не претендует на абсолютную истину, оно дает повод к размышлению. Поэтому здесь были даны и какие-то спорные вопросы, касающиеся самых сакральных моментов. И это допустимо. Тем более, роман о Христе написан ведь Мастером, а не Булгаковым, и написан с точки зрения интеллигента 1930-х годов. К тому же в книге сказано, что Он прочел роман, и Мастер не заслужил света, но заслужил покой. Понятно, почему... Та-

В книге Булгакова сказано, что Он прочел роман, и Мастер не заслужил света, но заслужил покой. Понятно, почему...

комфортней, а у нас интересней. Но на самом деле сейчас везде переломный период. Начало века всегда было таким. А в российском человеке к тому же всегда что-то бродит, какие-то силы, которые тянут его к запредельному, а не чисто внешнему существованию. Причем русский народ не какой-то особенный, а просто нормальный. Это и в Европе всегда было, просто сейчас там духовный кризис, и в Индии есть, и в Китае было – как сейчас, не знаю.

– Вы об этом кризисе пишете в своей новой книге – «Другой»? Почему, кстати, такое название?

– Недавно во Франции, в Сорбонне, вышла статья известной переводчицы, литературоведа Анны Колдефи о сути моего творчества. На примере «трилогии»: она считает, что романы «Шатунь», «Блуждающее время» и «Мир и хохот» образуют некую трилогию истории духа. «Шатунь» – это как будто бы черный роман, но на этом фоне выявлены такие кардинальные вопросы человеческого бытия, которые нуждаются в продолжении, в ответе, в реакции. И это происходит, как она считает, в «Блуждающем времени» и далее в «Мире и хохоте». А вопросы эти связаны еще и с моей философией, основанной на принципе запредельности. Мы знаем, что в Откровении человеку дан путь к спасению. Но огромное поле остального, на чем зиждется мироздание, нам не открыто. И многие высказывания Иисуса Христа, как мы знаем из Евангелия, мир не мог вместить. Есть удивительный рассказ у Набокова, когда один человек рассказал своему доктору, в чем загадка мироздания. Там не сказано, в чем она заключается, но этот доктор в рассказе от удивления умер.

Так же и в этих романах сделана попытка ответить не только на уже известные вечные вопросы, но и на те, которые лежат в огромной и великой сфере неизвестного. Где вопросы можно задать и в какой-то степени даже получить ответы, но лучше всего они даются и постигаются, конечно, интуитивно. И в этом преимущество литературы над прямой философией. Бывают такие озарения, которые не могут осознаваться

человек... А загадка в том, кто таков этот Другой и в чем сущность этого Другого, который навел такой ужас и восхищение на героев романа.

– Не говоря конкретно о ваших произведениях, как вы считаете, насколько далеко вообще может заходить художник в собственном творчестве – особенно, если он работает с запредельным, мистическим, ужасным? Нужно ли ставить себе какие-то мысленные ограничители?

– Это вопрос очень сложный, и такой заслон вполне может быть. Но это все индивидуально. Кафка ведь не хотел, чтобы его произведения были опубликованы... А Достоевский, напротив, зашел очень далеко вместе со своим Великим Инквизитором и Иваном Карамазовым. Здесь вот что важно. Когда человек вмешивается, скажем, в религиозное учение, в ортодоксию и начинает говорить, что что-то там неверно, а что-то верно, это безумно и опасно. Потому что Откровение дано из вышечеловеческого уровня, и его надо принять таким, какое оно есть в своем первоначале. Интерпретировать, конечно, можно, если это укладывается в уровень мистического понимания (скажем, чисто христианские, глубинные откровения Якоба Бёме), но если начинается проверка того, что дано свыше, – это нелепость.

Если же вы говорите от себя, в форме художественного образа или философии (которая есть создание человеческого разума), то здесь безусловен принцип свободы мысли.

– Стало быть, и границ философии и искусства нет?

– В каком-то смысле нет, но в каждом индивидуальном случае существует внутренняя цензура, которая сейчас шире, чем была, например, в XIX веке. Был же суд и над Флобером, и над Бодлером, но настоящая литература все-таки должна быть свободна. Сам гений писателя (в античном смысле этого слова – то есть дух, который ведет творчество) может заблуждаться, конечно, но никогда не впадает в грубый примитивизм и профанизм. Что касается массовой культуры, то тут дело серьезней. Она сама по себе основа-

ким образом, литература может и должна затрагивать самые большие вопросы.

И сериал – это в данном случае продолжение книги, просто в другом воплощении. Но есть другой вид массовой культуры, которая и к культуре не относится. Когда идет постоянное внушение простых вещей, с акцентом ниже пояса. И что бы ни говорили, я считаю, что прежнее деление на культуру высокую и массовую никуда не делось. И у нас в России есть шансы продолжить великую литературную и культурную традицию. Сколько людей будет ею захвачено – не так уж и важно, в конце концов, все, везде и всегда решает меньшинство – и в политике, и в культуре, и в науке... И важно именно создание и непрерывное продолжение мощной, настоящей духовной культуры, в том смысле, как ее понимали на протяжении всей истории человечества. Культуры, которая очеловечивает, превращает нашу породу в человека в высшем смысле слова. Если это под силу нашей стране в нынешних условиях (раньше с этим справлялись все страны), то это может стать одной из главных задач. А то, что происходит внизу культуры, – это такая смесь всего: необходимости в развлечениях и политического влияния, так называемого духовного супермаркета и интересов бизнеса или шоу-бизнеса. С точки зрения бизнеса культура вообще-то является врагом. Высокая культура заставляет задумываться о чем-то большем, чем просто купить что-то в обществе потребления. Массовая культура, наоборот, создает потребителя. Но все зависит от людей и от ситуаций. Сегодня появилась, например, молодежь с совершенно другими лицами. Мне с ними очень интересно, и когда их видишь, слушаешь, как они говорят, как они вовлечены, разница в возрасте не играет никакой роли. Возраст важен только в том смысле, что я понимаю: это новое поколение. И я не думаю, что духовное начало вместе с таким поколением проиграет в истории рода человеческого полной профанации и жлобству.

Беседовал Александр Вознесенский

Кенжеев – Александр Левин.
Начало в 19.00.
31 января в 19.00 в магазине
«Букбери» (Никитский б-р, 17,
м. «Арбатская») новые стихи и

яковского (Лубянский проезд,
3/6, м. «Лубянка») Александр
Дугин читает лекцию «Енох ом-
раченный [Тайна Левиафана]».

East View Publications, inc. +1(612)550-09-61
E-mail: periodicals@eastview.com
и Украины: В агентстве KSS +380 (044) 464-02-20
E-mail: kss@kss.kiev.ua
ке мира: В 000 "Корпоративная почта" (495) 953-92-02
E-mail: kpp@sovintel.ru
www.pressa.apr.ru

С ДОСТАВКОЙ
Справки по тел. редакции (495) 981-61-44

ПОЧТОВЫХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ

частных лиц	→ 16736
организаций	→ 16738
«Libris»	→ 16739
«Религии»	→ 16740
частных лиц	→ 16741
организаций	→ 16742
«НГ+НВО»	→ 16743

каталог
ПОЧТА
РОССИИ